

Камышников Л. «Чехов советского экрана».
«Свадьба» и «Юбилей» в театре «Стэнли» // Новое
русское слово. Нью-Йорк, 1945. 25 февраля. № 11993.
С. 4.

«ЧЕХОВ СОВЕТСКОГО ЭКРАНА»

«Свадьба» и «Юбилей» в театре «Стэнли»

Нам уже приходилось видеть чеховского «Медведя» в постановке советского кино. Сейчас в театре Стэнли впервые были показаны две чеховские пьесы: «Юбилей» и «Свадьба».

Режиссерский подход к экранной постановке отличается от сценического. Это, пожалуй, задачи противоположные. Чехов знал и чувствовал сцену и свою «Свадьбу» целиком уместил в одной комнате за одним свадебным столом. В кино такой режиссерский план неприемлем. Свадьба происходит не в плане одной столовой, так как все участники в непрерывном движении. Они то говорят, то пьют, то танцуют. Музыкальный момент основной для режиссера.

Он дает возможность показать картину в непрерывном движении. Одна и та же пара то появляется, то исчезает. Жених Аппломбов не сидит на месте, он все время рыщет по квартире, как бы проверяя зорю свое приданное. Акушерка Змеюкина падает от усталости после непрерывного танца и поет под гитару телеграфиста Ятя старинные романсы. Воображение режиссера дополняет фантазию автора и показывает ряд «чеховских» типов в их реальном воплощении. Все это, поскольку режиссер осуществлял кинематографическое задание, выполнено превосходно. Но когда ему приходится преодолевать психологическое содержание чеховской миниатюры, ему приходится жертвовать литературой во имя экрана.

Выпал из пьесы ряд моментов, ставших классическими. Вычеркнут монолог Дымбы, вдохновенный спич грека, считающего, что нет прекраснее его солнечной Греции, в которой «все есть». Сокращена до минимума речь Ревунова-Караулова, потому что режиссер не рисковал затянуть темп пьесы, в общем, кинематографически-бурный. И совсем не упоминается разговор об электричестве, диалог, из которого Чехов построил динамику действия. «Если бы вы видели батарею, из чего она составлена, вы бы иначе разсуждали» говорит телеграфист Ятя, и откуда начало конфликта, приведшего к общей ссоре. Ничего этого нет, но в то же время есть действие, движение и забавная характерность, заставляющие зрителя с большим интересом смотреть экранное воплощение Чехова.

Правда, от чеховской романтики остается мало. Чехов даже в юморе был идеалистом. Идеализм сохранен в картине только в образе Ревунова-Караулова, кстати сказать блестяще сыгранном актером Коноваловым.

Такую пьесу мог бы написать и не Чехов, и в самом подходе режиссера есть нечто приблизившее «Свадьбу» скорее к Зошенко, нежели к автору «Свадьбы». У Чехова все это много добродушнее и теплее.

В общем, ту же оценку можно применить к «Юбилею», хотя исполнение «Юбилея» и характерность участников во многом уступают «Свадьбе». Повинно в этом исполнение роли Мерчуткиной артисткой Анастасией Зуевой. Мерчуткина по Чехову просто баба, такая, каких много на Руси, упрямая, тупая и непонятливая. В своем желании получить следуемое, она не способна разобраться в ситуации, она вообще ни в чем не способна разобраться. Причиняя мучения людям, она даже о них не подозревает. У Зуевой нет этого прекраснотупости. Это злая и хитрая баба, идущая к цели через трудности. Даже последний ее выход не кажется смешным, так как в нем есть больше злорадства, чем наивности.

Годы уходят и настроения и чувства Чехова, в свое время так воспринятые русским театром, постепенно испаряются. Новое поколение по-новому воспринимает русского классика и часто неверно. Но зато совершенствуется владение экраном, как инструментом нового театрального воздействия на зрителя. В нем больше движения, выдумки, большее понимание методов влияния на зрителя, подчас влияния грубого, каррикатурного, но все же насыщенного динамикой экрана.

Л. Камышников.